

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-3-394-405

EDN: UJXDTG

Научная статья / Research article

Государства-«мосты» в международных отношениях на примере Сингапура и Индонезии

И.Д. Лошкарёв , И.С. Копытцев

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

 ivan1loshkariov@gmail.com

Аннотация. Исследование посвящено анализу теоретических и практических аспектов использования деривативной силы в международных отношениях и концепции страны-«моста» — связующего звена между различными, в том числе и враждебными, центрами силы, опирающегося на свое промежуточное положение как конкурентное преимущество на мировой арене. Рассматривая подобные государства в качестве акторов, наиболее активно и эффективно использующих деривативную силу, авторы выявляют специфику циркуляционного подхода к феномену силы в международных отношениях и черты, присущие стране-«мосту». В рамках трех аспектов — политико-географического, историко-культурного и статусно-легитимного — в качестве характеристик, присущих государствам-«мостам», выделяются сбалансированность внешнеполитического курса по отношению к крупным государствам или группам с их участием, отсутствие прямых региональных угроз, этнокультурный плюрализм, а также внутреннее и внешнее принятие и признание посреднического статуса государств-«мостов». В теоретической части исследования также объяснены различия и сходства между нейтральным государством и страной-«мостом», что в значительной степени упрощает понимание последней категории. Опираясь на сравнительно-сопоставительный метод, в рамках которого проанализировано девять отличительных черт государств-«мостов», рассмотрена внешняя политика Сингапура и Индонезии, что позволяет не только выявить возможные отклонения от идеал-типической модели, но и продемонстрировать способность крупных акторов вроде Индонезии использовать деривативную силу в международных делах. Концептуальные объяснения и эмпирические данные исследования открывают широкие возможности для дальнейшего изучения внутренних и внешних условий приобретения и утраты статуса страны-«моста», а также создают предпосылки для смещения акцента с исследования групп и альянсов на изучение типов и принципов формирования связанности в международных отношениях.

Ключевые слова: деривативная сила, циркуляционный подход, связанность, связующее звено, центры силы, нейтральные государства

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Лошкарёв И.Д.: концептуализация, разработка методологии исследования, участие в написании рукописи. Копытцев И.С.: сбор данных, участие в написании рукописи. Оба автора ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Благодарности. Исследование подготовлено в рамках научного проекта РНФ № 23-18-01045 «Трансферный потенциал политической науки в системе социогуманитарного знания».

Для цитирования: Лошкарёв И. Д., Копытцев И. С. Государства-«мосты» в международных отношениях на примере Сингапура и Индонезии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 3. С. 394–405. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-3-394-405>

© Лошкарёв И.Д., Копытцев И.С., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

“Bridge” States in International Relations: The Cases of Singapore and Indonesia

Ivan D. Loshkariov , Ivan S. Kopyttsev

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

 ivan1loshkariov@gmail.com

Abstract. The article examines the theoretical and practical aspects of the derivative power usage in international relations, as well as the concept of “bridge” states which connect different, and even competing, centers of power, thereby gaining their edge in the global arena. Consequently, the authors view such states as the actors most actively and efficiently using derivative power. Furthermore, the authors distinguish the specific features of the circulation approach to the phenomenon of power in international relations, as well as the characteristics of “bridge” states. The article distinguishes several features within political-geographic, historical-cultural, and legitimacy-based aspects. These include playing a balancing act between large states and groups with their membership, the absence of direct regional threats, ethno-cultural pluralism and also both internal and external acceptance of such a middle status. The theoretical part also explains the differences and similarities between neutral and “bridge” states, thereby facilitating a more profound comprehension of the latter category. Then, the authors analyze the foreign policies of Singapore and Indonesia, using a comparative method based on the basis of nine criteria. In this way, the article exemplifies possible variations from the ideal type, as well as it illustrates the ability of big actors, such as Indonesia, to use derivative power in foreign relations. It is worth pointing out that both the conceptual explanations and empirical data provided in the article facilitate further study of the internal and external conditions which determine whether a state gains or loses its “bridge” state status. Furthermore, the article shifts the focus from various groups and alliances to the types and principles of connectivity in international relations.

Key words: derivative power, circulation approach, connectivity, connecting elements, centers of power, neutral states

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors’ contributions. I.D. Loshkariov: conceptualization, development of research methodology, participation in writing. I.S. Kopyttsev: data collection, participation in writing. Both authors have read and approved the final version of the article.

Acknowledgements. The study was prepared within the framework of the scientific project of the Russian Science Foundation No. 23-18-01045 “The transfer potential of political science in the system of social knowledge.”

For citation: Loshkariov, I. D., & Kopyttsev, I. S. (2025). “Bridge” states in international relations: The cases of Singapore and Indonesia. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(3), 394–405. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-3-394-405>

Введение

В исследованиях международных отношений постепенно происходит разворот от изучения великих держав к анализу других групп государств. Еще в 1960–1970-е гг. международники обратили внимание на малые государства, которые, как оказалось, иногда обладают заметным влиянием и могут в некоторой степени корректировать политику основных глобальных игроков (Amstrup, 1976; Baehr, 1975; Keohane, 1969; Красняк, Шатерников, 2023). Чуть позднее стала разрабатываться тема средних держав — государств с достаточным объемом ресурсов,

которые вынуждены соседствовать или исторически взаимодействовать с более могущественными государствами (Jordaan, 2003; Вершинина, 2020; Воронцов, Понька, Варпаховский, 2020; Кудряшова, 2008). Так или иначе, в международных исследованиях нашлось место таким государствам, которые необязательно определяют направление развития глобального миропорядка, но при этом выполняют другие — не менее важные — функции.

В этой связи снова оказывается востребованной циркуляционная точка зрения относительно природы силы в международных

отношениях. Отталкиваясь от метафоры Т. Парсонса, силу необходимо рассматривать не как атрибут государства (совокупность ресурсов, позиция в глобальной иерархии и т. д.), а как своеобразный аналог денег: как и деньги, сила находится в глобальном обороте, обменивается и обесценивается (Parsons, 1963). Безусловно, аналогия между деньгами и силой неполная, поскольку силу намного сложнее подсчитать и распределить среди участников международных отношений (Deutsch, 1968, pp. 41–43). Все же в последнее десятилетие циркуляционный подход получил «второе дыхание» в рамках концепции деривативной силы британского исследователя Т. Лонга, согласно которому при нехватке собственных ресурсов государства могут пользоваться внешними источниками силы для продвижения своих интересов (Long, 2017).

В том, что относительно слабые государства прибегают к помощи более крупных игроков, нет ничего нового. Еще в 1981 г. М. Хэндел писал о производных (деривативных) источниках силы и подчеркивал, что государства с недостаточным силовым потенциалом могут компенсировать его за счет различных форм культурно-исторической солидарности, временных коалиций и манипуляции позициями крупных держав (Handel, 1981, pp. 119–156). Новизна концепции деривативной силы состоит в уточнении особенностей такого заимствования: деривативная сила не рассчитана на длительное использование и употребление для широкого круга целей, не может приобретаться и расходоваться в откровенно враждебной внешней среде. Кроме того, она основывается на развитом дипломатическом искусстве более слабого государства (Long, 2017, pp. 97–98). Более того, для деривативной силы требуется географическое или иное состояние промежуточности или пограничности между какими-либо крупными державами или их экономическими и военно-политическими блоками (Kaul, 2022). Соответственно, деривативная сила отличается от некоторых других типов силы, которым приписывают способность циркулировать между

участниками международных отношений (Katzenstein & Seybert, 2018; Лошкарёв, 2021).

Возникает закономерный вопрос: какая группа государств в наибольшей степени способна использовать данную разновидность силы? В данном исследовании выдвигается гипотеза, что такая группа — это государства-«мосты», пока не получившие достаточного осмысления в российской международно-политической науке. Наше исследование исходит из тезиса конструктивистской теоретической школы, что любые статусные и функциональные группы стран в международных отношениях возникают из-за конституирующих взаимоотношений (Adler & Pouliot, 2011; Wendt, 1999). Иными словами, деривативная сила как отдельный тип силы способна породить отдельную разновидность государств, использующих сложившуюся ситуацию в своих интересах.

Учитывая, что отдельные тезисы насчет «мостов» в международных отношениях выдвигались и ранее, исследование разделено на три части, в которых рассматриваются основные характеристики государств-«мостов» (политико-географические, историко-культурные и статусно-легитимные), формулируются отличия от близкого по содержанию понятия нейтральных государств, а также демонстрируются особенности применения понятия к конкретным кейсам Сингапура и Индонезии. Выбор кейсов обусловлен нахождением данных государств в одном географическом ареале, что создает условия для так называемого «контролируемого» сравнения: внешние условия сходны, значимость внутренних факторов выше. Более того, с учетом особенностей сравнения такой методологический прием позволяет не только по-новому интерпретировать исторический и международно-политический опыт выбранных стран, но и выявить возможный потенциал приращения теоретического знания о деривативной силе и государствах-«мостах». В заключительном разделе представлены соображения по дальнейшему развитию исследовательской программы по государствам-«мостам».

Методология исследования: характеристики государств-«мостов»

В современной научной литературе понятие «моста» раскрывается в основном с функциональной точки зрения. Термин используется для описания государства, занимающего промежуточное положение между двумя или более регионами, блоками или системами. В частности, речь может идти о «мосте» между Глобальным Севером и Глобальным Югом, между Западом и Востоком, Организацией Североатлантического договора (НАТО) и Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и т. д. В качестве «мостов» в работах прошлого фигурировали Казахстан, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), Польша, Турция, Украина и некоторые другие государства (Cummins, 2003; Fulton, 2019; Galbraith, 2004; Kabasakal & Bodur, 2002; Ozturk, Yuksel & Ozek, 2011; Дуррани, 2022).

Государство-«мост» не только занимает обособленное положение между двумя группами или блоками государств, но и выполняет ряд иных функций. В целом государства, относящиеся к числу стран-«мостов»:

1) стремятся развивать и поддерживать дипломатические отношения с разными регионами, идеологическими и военными объединениями;

2) создают благоприятные условия для торговли, инвестиций и экономического сотрудничества между различными группами или блоками государств, используя свое географическое положение и ресурсы;

3) поддерживают культурный плюрализм и выстраивают на его основе свою идентичность;

4) могут играть роль посредников в сложных международных переговорах.

Вместе с тем далеко не каждое государство способно претендовать и тем более успешно выполнять эту роль: реализация транзитных и коммуникативных функций между двумя точками притяжения должна опираться на определенные условия, которые можно разделить на три группы (или аспекта): политико-географические, историко-культурные и сопряженные с легитимностью.

С политико-географической точки зрения страна-«мост», во-первых, должна занимать географическое положение, позволяющее ей выступать связующим звеном между двумя системами, блоками, полюсами или иными центрами притяжения (Lesser, 1992). При этом географическое положение стран-«мостов» необязательно будет удачным. К примеру, Индонезия располагается на 18 тысячах островов в тропической зоне, в некотором удалении от основных центров силы. Однако именно в Индонезии в ноябре 2023 г. прошел Глобальный форум климатического движения¹, участие в котором приняли страны, представляющие как Глобальный Север (США, Великобритания и др.), так и Глобальный Юг (Папуа — Новая Гвинея, Кения, Марокко).

Во-вторых, политика «страны-моста» опирается на баланс между группами или блоками стран. Безусловно, равноудаленность (или балансирование между крупными игроками) сложно обеспечить полностью, а способность сохранять ее проверяется на практике — в период военных, политических или экономических конфликтов между крупными державами или их группами². При максимальном обострении международной обстановки посредническая функция страны-«моста» может быть парализована отсутствием соответствующего запроса от воюющих сторон. Однако менее выраженные конфликты преимущественно экономического и политического характера способны, напротив, актуализировать связующую роль страны-«моста».

В-третьих, равноудаленность обеспечивается относительно благоприятной конъюнктурой. Прежде всего, это касается вызовов и угроз в сфере безопасности в реги-

¹ Global Forum for Climate Movement Promotes Green Culture, Innovation, and Cooperation // Tempo English. November 19, 2023. URL: <https://en.tempoco.com/read/1798375/global-forum-for-climate-movement-promotes-green-culture-innovation-and-cooperation> (accessed: 20.02.2024).

² Barakat S. The Qatari Spring: Qatar's Emerging Role in Peacemaking // Kuwait Programme on Development, Governance and Globalisation in the Gulf States. 2012. No. 24. P. 94–112. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/35432932.pdf> (accessed: 20.02.2024).

оне, в котором находится страна-«мост» (Garnett, 1996), поскольку необходимость искать защиту у ведущих игроков неминуемо нарушает баланс во внешней политике государства-«моста». Кроме того, благоприятной должна быть внутренняя экономическая, социальная и политическая конъюнктура, поскольку стратегия внешнеполитического балансирования не может осуществляться в условиях общественной поляризации (Burges, 2013).

С историко-культурной точки зрения важен этнорелигиозный, лингвистический и иной плюрализм страны-«моста». Идентичность такого государства должна вбирать в себя элементы нескольких культурных общностей, посредником между которыми она выступает (Lesser, 1992). В связи с этим общества, отличающиеся внутренним многообразием и плюрализмом, могут претендовать на успешное выполнение связующей функции. При этом требуется высокий уровень политического участия различных групп, чтобы потенциальное государство-«мост» не рассматривалось как антагонист хотя бы для одной из них. Видимо, для этого требуется относительно длительный период формирования доверия к ролевой идентичности государства-«моста» (Lesser, 1992).

Со статусно-легитимной точки зрения важно, чтобы «мост» получил признание двух конкурирующих сторон, систем, полюсов или блоков. В первую очередь, внутреннюю легитимность статусу «моста» придает национальная или как минимум элитная идентичность. Правящие элиты страны-«моста» должны разделять предпочтения в отношении автономной, а не заданной извне траектории развития (Lesser, 1992). Иными словами, страна-«мост» должна рассматривать свою посредническую деятельность как внешнеполитический ресурс.

Безусловно, положение «моста» требует и внешней легитимности, но это, скорее, следствие историко-культурных и географических факторов. Однако критерий внешней легитимности сближает понятие государства-«моста» и нейтрального государства. Существуют и некоторые другие сходства. В частности, нейтральные государства не

должны, согласно международному праву, принимать прямое участие в войне на чьей-либо стороне. При этом есть и нюанс: для нейтральных стран финансовая поддержка одной из сторон и какой-либо формат участия в миротворческих операциях не исключены, в отличие от государства-«моста» (Andrén, 1991). Кроме того, статус нейтральных государств также обусловлен историческими причинами: дезинтеграцией более крупных государств, поражениями в войнах и т.д. (Agius & Devine, 2011).

Между государствами-«мостами» и нейтральными государствами можно обнаружить как минимум два отличия (табл. 1).

Таблица 1. Различия между странами-«мостами» и нейтральными государствами

Критерий	Нейтральное государство	Государство-«мост»
Военная сила	– Не может и не стремится защитить себя от наиболее значительных внешних силовых угроз; – может участвовать в международных миротворческих миссиях или финансово участвовать в конфликтах	– Не может защитить себя от наиболее значительных внешних силовых угроз; – отдает предпочтение в посредничестве и переговорным форматам, но не имплементации их решений
Роль в международных делах	– Интересы ограничены отдельным регионом или какой-либо группой проблемных вопросов; – реактивная и пассивная внешняя политика; – преимущественно опирается на международное право	– Изменчивость тематики и географического охвата внешнеполитических интересов; – активная и инициативная внешняя политика; – не исключает возможности действовать неформально или в «серой зоне» права

Источник: составлено И.Д. Лошкарёвым и И.С. Копытцевым.

Во-первых, политика нейтральных государств пассивна и скорее ориентируется на внешние стимулы, что находит отражение в особенностях национальной идентичности и в используемых инструментах дипломатии, у государств-«мостов» — ситуация обратная.

Во-вторых, нейтральный статус фиксируется юридически, так что внешняя легитимность вынуждает нейтральные государства выступать за укрепление международного права и его соблюдение другими странами (Neuhold, 1982). Напротив, государства-«мосты» скорее ориентируются на неформальные взаимодействия, или дополняют ими юридические действия. Кроме того, географическое расположение нейтрального государства необязательно имеет «пограничный» или промежуточный характер.

Таким образом, государства-«мосты», как правило, проводят равноудаленную (внеблоковую) внешнюю политику, используя для этого как формальные, так и неформальные инструменты, а также опираются в своей деятельности на поликультурную национальную (или хотя бы элитную) идентичность. Этому способствуют как географические и культурно-исторические факторы, так и внутренний динамизм и инициативность страны-«моста».

Внешняя политика Сингапура и Индонезии: сравнительный анализ

Выбор кейсов для анализа специфики государств-«мостов» обусловлен двумя обстоятельствами.

Во-первых, авторы полагают, что жесткая привязка деривативной силы к небольшим государствам ограничивает эвристический потенциал ее анализа.

Во-вторых, пара Индонезия — Сингапур находится в одном географическом регионе, что обуславливает сходство по спектру идентитарных ориентаций, набору конкурирующих игроков и исторических обстоятельств, связанных с деколонизацией (табл. 2).

С географической точки зрения оба государства — островные. Сингапур расположен на малых островах возле южной оконечности Малаккского п-ова. В свою очередь, Индонезия располагается на островах Малайского и ряда соседних архипелагов. И Сингапур, и Индонезия занимают стратегическое положение на стыке Индийского и Тихого океанов. Через Малаккский и Сингапурский проливы проходит значительная часть международной торговли. В частности, Сингапур

считается одним из крупнейших транспортных «хабов» в мире: городской порт занимает первое место по объему перегрузки контейнеров³.

Таблица 2. Индонезия и Сингапур как страны-«мосты»: общее и особенное

Сингапур	Индонезия
Небольшое островное государство на пересечении торговых путей	Крупное островное государство на пересечении торговых путей
Разнонаправленная приоритетность военного и экономического сотрудничества с крупными государствами	Сравнительно одинаковая приоритетность военного и экономического сотрудничества с крупными государствами
Равноудаленность с момента получения независимости (1965 г.)	Равноудаленность примерно с 2000-х гг.
Плюралистическая национальная идентичность (в том числе поликонфессиональная)	Плюралистическая национальная идентичность (за исключением конфессионального аспекта)
Статус «моста» не оспаривается ведущими державами	Статус «моста» не оспаривается ведущими державами

Источник: составлено И.Д. Лошкарёвым и И.С. Копытцевым.

Из-за своего небольшого размера и положения в Малаккском проливе Сингапур находится в пространстве соседства всего двух крупных центров силы — Индии и Китая. В свою очередь территориально протяженная Индонезия, напротив, также граничит с союзниками США — Австралией, Палау, Микронезией и Маршалловыми о-вами. Относительно близко от Индонезии и непосредственная американская территория — о. Гуам. Таким образом, географическое положение двух государств изначально обуславливает разные комбинации источников деривативной силы.

В целом Сингапур и Индонезия соответствуют критерию *равноудаленности* во внешней политике. Действия Сингапура получили название «балансирующей дипломатии»: отдавая чуть больше приоритета

³ Singapore Closes 2021 with Record Container Throughput of 37.5 Million TEUs // Maritime and Port Authority of Singapore. January 13, 2022. URL: <https://www.mpa.gov.sg/media-centre/details/singapore-closes-2021-with-record-container-throughput-of-37-5-million-teus> (accessed: 20.02.2024).

сотрудничеству в сфере безопасности с Индией, страна компенсирует это экономическими проектами с Китайской Народной Республикой (КНР)⁴. В частности, в 2007 г. было подписано соглашение с Индией о совместной подготовке ВВС, а в 2017 г. был заключен договор о военно-морском сотрудничестве⁵. Неслучайно в ноябре 2017 г. министр обороны Сингапура назвал Индию страной, способной укрепить региональную архитектуру безопасности⁶.

В отношении КНР такие шаги сбалансированы рядом двусторонних соглашений. Например, в 2019 г. было расширено Соглашение о военном сотрудничестве с Поднебесной, а в сентябре 2023 г. прошли очередные совместные военные учения. Вместе с тем с Китаем Сингапур развивает скорее экономические связи. Так, в 2022 г. торговый оборот с КНР занял первое место в экспортно-импортной структуре Сингапура и превысил 175 млрд долл. США, в то время как Индия не вошла даже в число 10 крупнейших торговых партнеров Сингапура⁷. В итоге ни высокая интенсивность военного сотрудничества с Индией, ни тесные контакты с Пентагоном⁸ не способствуют возникнове-

нию заметных трений в отношении между Китаем и Сингапуром (Teo & Koga, 2022).

Важной особенностью взаимодействия Сингапура и КНР стали попытки сформировать «региональный порядок, основанный на правилах». Сингапурская дипломатия сосредоточена на необходимости свободной навигации и снижения конфронтации в морском пространстве и с 2002 г. последовательно продвигает диалог с Китаем по этому вопросу, используя формат Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). В 2017 г. стороны достигли соглашения по проекту кодекса поведения в Южно-Китайском море, переговоры вокруг которого продолжаются до сих пор. Как отмечал сингапурский премьер-министр Ли Сяньлун (2004–2024 гг.), «если не будет правил, у малых стран вроде Сингапура нет шансов на выживание»⁹.

В свою очередь, Индонезия пытается избежать тесного вовлечения в усиливающееся противостояние между США и КНР. В частности, президент страны в 2014–2024 гг. Джоко Видодо неоднократно отмечал, что Индонезия должна способствовать поддержанию глобального мира, а в контексте столкновения американо-китайских интересов указывал на недопустимость любой эскалации. Иногда это требует осуждения сразу обеих великих держав: Джакарта не испытывает энтузиазма относительно расширения китайского присутствия в Южно-Китайском море и выступает против планов в рамках блока АУКУС (Австралия — Великобритания — США) разместить атомные подводные лодки в Австралии (Anwar, 2023).

В концептуальном плане Индонезия следует принципу «независимой и активной внешней политики» (*bebas dan aktif*), который предполагает вовлечение в отношения с крупными державами и уравнивание их влияния в регионе за счет коалиций с местными игроками. С практической точки зрения такая линия иногда требует ограниченного вмешательства в урегулирование каких-либо проблем: в частности, Джакарта ограничилась поставками гуманитарной помощи и не

⁴ Singapore Closes 2021 with Record Container Throughput of 37.5 Million TEUs // Maritime and Port Authority of Singapore. January 13, 2022. URL: <https://www.mpa.gov.sg/media-centre/details/singapore-closes-2021-with-record-container-throughput-of-37-5-million-teus> (accessed: 20.02.2024); Fu Y. Singapore's China — India Balancing Act // The Diplomat. January 11, 2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/01/singapores-china-india-balancing-act/> (accessed: 20.02.2024).

⁵ Parameswaran P. Why the New India — Singapore Naval Pact Matters // The Diplomat. November 30, 2017. URL: <https://thediplomat.com/2017/11/why-the-new-india-singapore-naval-pact-matters/> (accessed: 20.02.2024).

⁶ India — Singapore Security Relations in an Evolving Asia // Brookings. November 29, 2017. URL: <https://www.brookings.edu/events/india-singapore-security-relations-in-an-evolving-asia/> (accessed: 20.02.2024).

⁷ Total Merchandise Trade at Current Prices, 2019–2023 // Department of Statistics Singapore. URL: <https://www.singstat.gov.sg/modules/infographics/singapore-international-trade> (accessed: 20.02.2024).

⁸ Shrvan K. Sh. The Indo-Pacific, What Strategy Vis-À-Vis China? Paris : Sciences Po Paris School of International Affairs, 2022. P. 4. URL: https://www.sciencespo.fr/ceri/observatory-indo-pacific/wp-content/uploads/2022/09/IndoPacific-Final-Shrvan-Krishnan-Sharma_compressed.pdf (accessed: 20.02.2024).

⁹ Hsien Loong L. National Day Rally 2016 // Singapore Prime Minister's Office. URL: <https://www.pmo.gov.sg/Newsroom/national-day-rally-2016> (accessed: 20.02.2025).

слишком активно участвовала в ситуации вокруг мусульман-рохинджа в Мьянме из-за рисков осложнения отношений с Китаем. Эта линия продолжилась и после смещения гражданского правительства военными в Мьянме, несмотря на значимость дискурса о демократии и мусульманской солидарности для внешней политики Индонезии.

В экономическом плане Индонезии также удается выдержать баланс: в 2021 г. торговый оборот с Китаем занимал 1-е место в экспортно-импортной структуре Индонезии (54,5 млрд и 60,4 млрд долл. США соответственно), в то время как США, пусть и уступая Поднебесной более чем в 3 раза, находились на 2-м месте по совокупному объему торговли (26,2 млрд и 9,69 млрд долл. США соответственно)¹⁰. Вместе с тем пристальное внимание к развитию инфраструктуры, характерное для двух президентских сроков Джоко Видодо (2014–2024), способствовало сближению с Пекином: именно китайские компании и правительство выступают ключевыми партнерами Джакарты в процессе реализации ряда логистических проектов (Yoshimatsu, 2022). Санкционные и тарифные ограничения в китайско-американской торговле пока практически не затрагивают Индонезию (Purwono et al., 2022).

Практическая реализация принципа равноудаленности была и остается непростой для Сингапура и Индонезии. С учетом небольшого размера Сингапура вопрос сохранения независимости стоит по-прежнему остро. Тем не менее страна не входила ни в один из региональных военных союзов, хотя многие бывшие британские колонии участвовали, например, в Организации Договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО) (1955–1977). Один из официальных принципов внешней политики Сингапура звучит как «Со всеми дружить и ни с кем не враждовать»¹¹. Поэтому власти страны сохраняют внимание к строительству

собственных вооруженных сил, но без опоры на одного внешнего партнера.

В свою очередь, Индонезия далеко не сразу выбрала практику равноудаленности. После получения независимости официальная Джакарта стремилась расширить зону своего влияния, вступив в территориальные споры с Малайзией и Папуа — Новой Гвинеей, а также оказалась вовлечена в конфликт в Восточном Тиморе (Clark, 2011). Занимавший пост президента в 2004–2014 гг. Сусило Бамбанг Юдойоно провозгласил неприменение силы краеугольным принципом внешнеполитического курса Индонезии, а его подход, более известный как «тысячи друзей и ни одного врага», до недавнего времени определял формат отношений Джакарты с соседями (Andika, 2016; Parameswaran, 2014). В настоящее время этот подход заменили идеи мусульманской солидарности и «морской культуры индонезийского народа». Поэтому неконструктивная позиция США по палестинской проблеме и «нервная» реакция КНР на обсуждение статуса уйгурского населения формируют основания для напряженности в их взаимоотношениях с Джакартой. Вместе с тем «морская» дипломатия Индонезии способствовала урегулированию основных территориальных споров и повышению ее роли в АСЕАН и Ассоциации стран бассейна Индийского океана (Ефимова, 2016; Куклин, 2019; Anwar, 2023). Придерживаясь политического и военного нейтралитета в противостоянии между Китаем и США, Индонезия способна сыграть значимую роль в качестве посредника (Putri, Pambudi & Adriyanto, 2020, p. 196).

Безусловно, политика равноудаленности Индонезии и Сингапура сталкивается с некоторыми проблемами. Например, сохраняется напряженность между Сингапуром и Малайзией из-за территориального спора вокруг нескольких островов. Часть проблем была преодолена в 2008 г. благодаря решению Международного Суда ООН, удовлетворившего часть претензий обеих сторон. Непростые отношения складываются у Сингапура с Индонезией: например, в 2007 г. Индонезия отказалась ратифицировать Соглашение о военном сотрудничестве и Соглашение об экстрадиции. Стороны сумели прийти к

¹⁰ Indonesia // OEC Today. URL: <https://oec.world/en/profile/country/idn> (accessed: 20.02.2024).

¹¹ Full Speech: Five Core Principles of Singapore's Foreign Policy // The Straits Times. July 17, 2017. URL: <https://www.straitstimes.com/singapore/five-core-principles-of-singapores-foreign-policy> (accessed: 20.02.2024).

консенсусу лишь в январе 2023 г. Однако в целом уровень внешних угроз для двух государств сравнительно небольшой, что способствует активной внешней политике и посреднической дипломатии.

В 2020 г. в статье для журнала *Foreign Affairs* тогдашний премьер-министр Сингапура Ли Сяньлун подчеркивал, что сокращение возможностей для внешнеполитического маневра из-за конкуренции между КНР и США не повлияет на принцип равноудаленности в дипломатии Сингапура. По его мнению, экономически и демографически Китай уравновешивает политическое влияние США, а потому задача стран Юго-Восточной Азии состоит в том, чтобы максимально развести региональные и глобальные проблемы, оставив глобальную повестку конкурирующим великим державам. Иными словами, принцип равноудаленности возможен там, где существует способ направить внимание Пекина и Вашингтона на какие-либо смежные вопросы или конфигурации в иных регионах мира¹².

Положение Индонезии и Сингапура как «мостов» легитимируется, прежде всего, их *плюралистическими национальными идентичностями* (Singh, 2008, pp. 318–319). В частности, в Сингапуре в 2010 г. порядка 74,1 % населения составляли этнические китайцы, еще 13,4 % — малайцы и 9,2 % — выходцы с полуострова Индостан¹³. Поэтому государственная идентичность Сингапура представляет собой сложную композицию отдельных обычаев и целых культурных пластов, относящихся к индийской, китайской и малайской традициям, но при этом дополняющих друг друга и неконфликтно сосуществующих в границах полиэтничного и поликонфессионального общества¹⁴. Хотя на

элитном уровне в Сингапуре более широко представлены граждане китайского происхождения, их особое положение связано в первую очередь с самим существованием отдельного государства и особенностями его социально-экономической модели, а не с поддержкой со стороны «материкового» Китая (Barr, 2016).

Аналогично Индонезия — полиэтничная страна, на территории которой проживает более 1300 различных народностей и племен. Ее идентичность также складывается из индийских, малайских и полинезийских пластов. Более того, все более значимой в стране становится китайская диаспора: численность этнических китайцев уже перешагнула отметку в 3 млн человек. На этом фоне сохраняется некоторое влияние колониальной и западной культуры (Mangundjaya, 2013), выражающееся в высокой степени социальной терпимости и стремлении к определенности в повседневных вопросах¹⁵. Имеющиеся в распоряжении авторов эмпирические исследования также свидетельствуют об этническом и региональном многообразии представителей элиты Индонезии, которая, тем не менее, относительно едина по ключевым вопросам политической повестки дня и часто находится под влиянием комбинации светских и исламских идейных представлений (Mitra & Pal, 2022; Warburton et al., 2021).

Именно фактор сравнительно однородной национальной идентичности в Сингапуре и Индонезии (при всей партийной, региональной, конфессиональной и этнической специфике) оказывается решающим для формирования внешней легитимности статуса этих государств как «мостов» в регионе Юго-Восточной Азии. Легитимность этого статуса не означает отказ от стремления крупных игроков склонить данные страны к более тесному сотрудничеству. Вероятно, в силу размера Индонезии более сложно дается сохранение признания статуса «моста» со стороны КНР и США.

com/travel/article/partner-content-cultures-come-together-in-Singapore (accessed: 20.02.2024).

¹⁵ Country Comparison Tool // The Culture Factor Group. URL: <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison-tool?countries=china%2CIndonesia%2Cunited+states> (accessed: 20.02.2024).

¹² Hsien Loong L. The Endangered Asian Century: America, China, and the Perils of Confrontation // *Foreign Affairs*. June 4, 2020. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/2020-06-04/lee-hsien-loong-endangered-asian-century> (accessed: 20.02.2025).

¹³ Census of Population 2010: Advance Census Release // Department of Statistics, Ministry of Trade and Industry, Republic of Singapore. August, 2010. URL: https://www.singstat.gov.sg/-/media/files/publications/cop2010/census_2010_advance_census_release/c2010acr.pdf (accessed: 10.06.2025).

¹⁴ Ken T. J. Singapore: Where Cultures Come Together // *National Geographic*. URL: <https://www.nationalgeographic.com/travel/article/partner-content-cultures-come-together-in-Singapore>

Заключение

В условиях продолжающихся изменений на международной арене совершенно неудивительно, что появляются и расширяются новые функциональные группы государств. Пример Индонезии и Сингапура наглядно демонстрирует, что положение страны-«моста» сегодня привлекает не только небольшие, но и сравнительно крупные государства. Поскольку каждый политический статус задает определенную инерцию, вполне вероятно, что для многих государств идея стать «мостом» между несколькими группами или блоками государств сохранит свою привлекательность и задаст логику поведения в международных отношениях. Более того, вероятность такого сценария возрастает в условиях сохраняющейся напряженности во взаимоотношениях крупных государств (США, КНР, Россия, Индия).

В этой связи представляется важным уточнить условия возникновения и утраты статуса и функций государства-«моста», соотношения внутренних идентитарных и внешних структурных условий для этих процессов. Сравнение кейсов Индонезии и Сингапура убедительно показывает, что фактор сравнительно однородной национальной (государственной) идентичности играет ключевую роль в сохранении и воспроизводстве «мостов». Кроме того, с учетом предрасположенности государств-«мостов» к неформальным взаимодействиям и «серым» правовым механизмам перспективным может стать изучение контрабандных маршрутов и схем доставки редких товаров (в том числе военного назначения) в привязке к определенным «мостам».

Среди важнейших внешнеполитических целей данной группы стран, вероятно, необходимо выделить две.

Во-первых, государства-«мосты» стремятся избежать прямого противопоставления великим и региональным державам, а потому склонны к поиску форматов ситуативных ко-

алиций и наращивания относительного силового потенциала лишь в некоторых нишах (преимущественно невоенных). Тем самым им удастся снизить опасения стран, которые заведомо сильнее и которые могут воспринять наращивание силового потенциала другими государствами как политический вызов или даже угрозу.

Во-вторых, государства-«мосты» скорее стремятся сохранить статус-кво в политико-географическом делении мира — на военные и экономические блоки, регионы, группы стран. При этом проактивная внешняя политика подобных государств может приводить к участию в каких-либо объединениях без великих и региональных держав или к каким-либо формам привилегированного партнерства с существующими политическими и экономическими блоками (членство Сингапура и Индонезии в АСЕАН, участие Индонезии в деятельности БРИКС и проч.).

Возникает и важный теоретический вопрос: насколько государства-«мосты» способствуют стабилизации отношений между связываемыми группами или блоками государств? Ближайший аналог можно найти в химии, где бициклические молекулы удерживаются вместе благодаря отдельным соединяющим атомам. Из-за устойчивости в реакциях бициклические молекулы часто используют в фармацевтике и промышленности для создания более сложных соединений. В этой связи представляется целесообразным рассуждать о международно-политическом устройстве иначе, снизив внимание к дискурсу по поводу регионализации и глобализации и вместо этого посмотрев на количество, качество и связи между группами стран в международных отношениях, которые обеспечиваются государствами-«мостами». Иными словами, дальнейшее исследование стран-«мостов» подразумевает акцент на связях и типах связанности, а не на группах и принципах (идеологических, военных, культурных) их образования.

Поступила в редакцию / Received: 04.03.2024
Доработана после рецензирования / Revised: 17.03.2025
Принята к публикации / Accepted: 10.06.2025

Список литературы

- Вершинина В. В. «Державы среднего уровня» в международных отношениях: сравнительный анализ концептуальных подходов // Сравнительная политика. 2020. Т. 11, № 3. С. 25–40. EDN: WLZAVZ
- Воронцов А.В., Понька Т.И., Варпаховский Э. Концепция «средней силы» (middle power) во внешней политике Республики Корея: теория и практика // Международные процессы. 2020. Т. 18, № 1. С. 89–105. <https://doi.org/10.17994/IT.2020.18.1.60.5>; EDN: AKYENY
- Дуррани А. Джунгли, основанные на правилах // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20, № 2. С. 199–203. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-2-199-203>; EDN: NMEPHO
- Ефимова Л. М. Внешнеполитическая доктрина президента Индонезии Джоко Видодо // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2016. № 33. С. 55–69. EDN: XHSUXX
- Красняк О. А., Шатерников П. С. Дипломатия малых государств: анализ возможностей и ограничений на примере Восточного Тимора // Вестник МГИМО-Университета. 2023. Т. 16, № 3. С. 138–152. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-3-90-138-152>; EDN: GQBHUU
- Кудряшова И.В. Легко ли быть средневеликим... // Международные процессы. 2008. Т. 6, № 3. С. 78–83. EDN: OHZUDZ
- Куклин Н.С. Влияние религиозно-политических факторов на внешнюю политику Индонезии в период президентства Джоко Видодо // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2019. Т. 1, № 2. С. 103–112. EDN: PEVWZI
- Лошкарёв И.Д. Концепция «Силы Протея» в международных отношениях: истоки и перспективы // Политика. Анализ. Хроника. Прогноз. 2021. № 3. С. 6–21. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-102-3-6-21>; EDN: RZOIRD
- Adler E., Pouliot V. International Practices // International Theory. 2011. Vol. 3, iss. 1. P. 1–36. <https://doi.org/10.1017/s175297191000031x>
- Agius C., Devine K. ‘Neutrality: A Really Dead Concept?’ A Reprise // Cooperation and Conflict. 2011. Vol. 46, iss. 3. P. 265–284. <https://doi.org/10.1177/0010836711416955>
- Amstrup N. The Perennial Problem of Small States: a Survey of Research Efforts // Cooperation and Conflict. 1976. Vol. 11, iss. 3. P. 163–182. <https://doi.org/10.1177/001083677601100302>; EDN: JQZCZL
- Andika M. T. An Analysis of Indonesia Foreign Policy Under Jokowi’s Pro-People Diplomacy // Indonesian Perspective. 2016. Vol. 1, no. 2. P. 1–13. <https://doi.org/10.14710/ip.v1i2.14284>
- Andrén N. On the Meaning and Uses of Neutrality // Cooperation and Conflict. 1991. Vol. 26, iss. 2. P. 67–83. <https://doi.org/10.1177/001083679102600202>; EDN: JQRDFT
- Anwar D. F. Indonesia’s Hedging Plus Policy in the Face of China’s Rise and the US — China Rivalry in the Indo-Pacific Region // The Pacific Review. 2023. Vol. 36, iss. 2. P. 351–377. <https://doi.org/10.1080/09512748.2022.2160794>; EDN: RXGZLN
- Baehr P. R. Small States: A Tool for Analysis? // World Politics. 1975. Vol. 27, iss. 3. P. 456–466. <https://doi.org/10.2307/2010129>
- Barr M. D. Ordinary Singapore: The Decline of Singapore Exceptionalism // Journal of Contemporary Asia. 2016. Vol. 46, iss. 1. P. 1–17. <https://doi.org/10.1080/00472336.2015.1051387>
- Burges S. W. Brazil as a Bridge Between Old and New Powers? // International Affairs. 2013. Vol. 89, no. 3. P. 577–594. <https://doi.org/10.1111/1468-2346.12034>
- Clark M. Indonesia’s Postcolonial Regional Imaginary: From a ‘Neutralist’ to an ‘All-Directions’ Foreign Policy // Japanese Journal of Political Science. 2011. Vol. 12, iss. 2. P. 287–304. <https://doi.org/10.1017/s1468109911000089>
- Cummings S. N. Eurasian Bridge or Murky Waters Between East and West? Ideas, Identity and Output in Kazakhstan’s Foreign Policy // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2003. Vol. 19, iss. 3. P. 139–155. <https://doi.org/10.1080/13523270300660021>
- Deutsch K. W. The Analysis of International Relations. Englewood Cliffs, NJ : Prentice-Hall, Inc., 1968.
- Fulton J. China — UAE Relations in the Belt and Road Era // Journal of Arabian Studies. 2019. Vol. 9, iss. 2. P. 253–268. <https://doi.org/10.1080/21534764.2019.1756135>
- Galbraith M. H. Between East and West: Geographic Metaphors of Identity in Poland // Ethos. 2004. Vol. 32, iss. 1. P. 51–81. <https://doi.org/10.1525/eth.2004.32.1.51>
- Garnett S. W. Poland: Bulwark or Bridge? // Foreign Policy. 1996. No. 102. P. 66–82. <https://doi.org/10.2307/1149260>; EDN: CEKJEF
- Handel M. I. Weak States in the International System. London, England ; Totowa, N.J. : F. Cass, 1981.
- Jordaan E. The Concept of a Middle Power in International Relations: Distinguishing Between Emerging and Traditional Middle Powers // Politikon. 2003. Vol. 30, iss. 1. P. 165–181. <https://doi.org/10.1080/0258934032000147282>

- Kabasakal H., Bodur M.* Arabic Cluster: A Bridge Between East and West // *Journal of World Business*. 2002. Vol. 37, iss. 1. P. 40–54. DOI: 10.1016/s1090-9516(01)00073-6; EDN: DVYPHH
- Katzenstein P. J., Seybert L. A.* Protean Power and Uncertainty: Exploring the Unexpected in World Politics // *International Studies Quarterly*. 2018. Vol. 62, iss. 1. P. 80–93. <https://doi.org/10.1093/isq/sqx092>
- Kaul N.* Beyond India and China: Bhutan as a Small State in International Relations // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2022. Vol. 22, no. 2. P. 297–337. <https://doi.org/10.1093/irap/lcab010>; EDN: QPLSUO
- Keohane R. O.* Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics // *International Organization*. 1969. Vol. 23, iss. 2. P. 291–310. <https://doi.org/10.1017/s002081830003160x>
- Lesser I. O.* Bridge or Barrier? Turkey and the West after the Cold War. Santa Monica, CA : Rand, 1992.
- Long T.* Small States, Great Power? Gaining Influence Through Intrinsic, Derivative, and Collective Power // *International Studies Review*. 2017. Vol. 19, iss. 2. P. 185–205. <https://doi.org/10.1093/isr/viw040>
- Mangundjaya W. L. H.* (2013). Is There Cultural Change in the National Cultures of Indonesia // *Steering the Cultural Dynamics: Selected Papers from the 2010 Congress of the International Association for Cross-Cultural Psychology* / ed. by Y. Kashima, E. S. Kashima, R. Beatson. The International Association for Cross-Cultural Psychology, 2013. P. 59–68. URL: https://scholarworks.gvsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1032&context=iaccp_papers (accessed: 20.04.2024).
- Mitra A., Pal S.* Ethnic Diversity, Social Norms and Elite Capture: Theory and Evidence from Indonesia // *Economica*. 2022. Vol. 89, iss. 356. P. 947–996. <https://doi.org/10.1111/ecca.12423>; EDN: PEKPWV
- Neuhold H.* Permanent Neutrality in Contemporary International Relations: A Comparative Perspective // *Irish Studies in International Affairs*. 1982. Vol. 1, no. 3. P. 13–26. URL: <http://www.jstor.org/stable/30001721> (accessed: 20.04.2024).
- Ozturk M., Yuksel Y.E., Ozek N.* A Bridge Between East and West: Turkey's Natural Gas Policy // *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. 2011. Vol. 15, iss. 9. P. 4286–4294. <https://doi.org/10.1016/j.rser.2011.07.122>
- Parameswaran P.* Between Aspiration and Reality: Indonesian Foreign Policy After the 2014 Elections // *The Washington Quarterly*. 2014. Vol. 37, iss. 3. P. 153–165. <https://doi.org/10.1080/0163660x.2014.978441>
- Parsons T.* On the Concept of Political Power // *Proceedings of the American Philosophical Society*. 1963. Vol. 107, no. 3. P. 232 – 262. URL: <http://www.jstor.org/stable/985582> (accessed: 12.04.2024).
- Purwono R., Heriqbaldi U., Esquivias M. A., Mubin M. Kh.* The American–China Trade War and Spillover Effects on Value-Added Exports from Indonesia // *Sustainability*. 2022. Vol. 14, iss. 5. P. 1–22. <https://doi.org/10.3390/su14053093>; EDN: WWEXXA
- Putri E.F., Pambudi K.S., Adriyanto A.* Analysis of the Increasing US — China Military Tension in the South China Sea and the Challenges for Indonesia // *International Journal of Social Science and Religion*. 2020. Vol. 1, iss. 2. P. 187–198. <https://doi.org/10.53639/ijssr.v1i2.10>
- Singh B.* Singapore: Success at Home, Challenges from Abroad // *Southeast Asian Affairs 2008* / ed. by D. Singh & T. M. M. Than. Singapore : ISEAS Publishing, 2008. P. 313–330. <https://doi.org/10.1355/9789812307910-019>
- Teo A. G., Koga K.* Conceptualizing Equidistant Diplomacy in International Relations: the Case of Singapore // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2022. Vol. 22, iss. 3. P. 375–409. <https://doi.org/10.1093/irap/lcab011>; EDN: MSCDNZ
- Warburton E., Muhtadi B., Aspinall E., Fossati D.* When Does Class Matter? Unequal Representation in Indonesian Legislatures // *Third World Quarterly*. 2021. Vol. 42, iss. 6. P. 1252–1275. <https://doi.org/10.1080/01436597.2021.1882297>; EDN: LEJVJS
- Wendt A.* *Social Theory of International Politics*. Cambridge : Cambridge University Press, 1999. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511612183>
- Yoshimatsu H.* Indonesia's Response to the Belt and Road Initiative and the Indo-Pacific: A Pivotal State's Hedging Strategy // *Asian Politics & Policy*. 2022. Vol. 14, iss. 2. P. 159–174. <https://doi.org/10.1111/aspp.12629>; EDN: CEJCLK

Сведения об авторах:

Лошкарёв Иван Дмитриевич — кандидат политических наук, доцент кафедры политической теории; научный сотрудник Центра ближневосточных и африканских исследований, Институт международных исследований, МГИМО МИД России; Российская Федерация, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76; eLibrary SPIN-код: 8111-0056; ORCID: 0000-0002-7507-1669; e-mail: ivan1loshkariov@gmail.com

Копытцев Иван Сергеевич — младший научный сотрудник, Институт международных исследований, МГИМО МИД России; Российская Федерация, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76; eLibrary SPIN-код: 8871-7749; ORCID: 0000-0002-5284-8682; e-mail: www.kopitsev53.ru@gmail.com